

Лишних кадров вообще не было

Репортаж
со съемочной
площадки

Оператор Дмитрий Масс
и режиссер Павел Коган

Табличка на фасаде: «Центральная лаборатория Череповецкого металлургического комбината». Войдем в здание. Пройдем по коридору первого этажа. В небольшой комнате — здесь помещается лаборатория металловедения — сейчас непривычно многолюдно. Камера, свет, звукоаппаратура. Шум, суета, как всегда, когда снимают кино.

Над столом прикреплен самодельный плакат. Девиз, прямо скажем, не вполне обычный — из Валентина Овечкина: «Не щади себя. Если хочешь светить — гори». Распорядается здесь немолодая, подтянутая женщина: заведующая лабораторией, кандидат технических наук В. С. Дьяконова. Собственно, распоряжается — это не совсем точно. Хозяйка кабинета явно смущена и непривычным многолюдством, и направленным на нее вниманием.

— Валентина Сергеевна, — обращается к ней режиссер. — Я понимаю, очень трудно сосредоточиться в этом шуме. Но попытайтесь сосредоточиться, прошу вас. Работайте, как обычно.

Она села за стол с микроскопом. Начала объяснять.

— Что вы сейчас делаете? Расскажите, пожалуйста.

— Смотрю строение стали. Выясняю степень ее загрязненности. (Она не очень уверена, что нужно объяснять. Это ведь специальное: вряд ли поймут.)

Зазвонил телефон. Извинившись, Валентина Сергеевна нерешительно взяла трубку. Говорила, впрочем, вполне твердо, по-деловому. Что-то об образцах металла. Объяснила собеседнику на другом конце провода, что уже этим занимается, знает.

Тут возникла новая мизансцена. Камера следила за героиней. Валентина Сергеевна подошла к шкафу, сняла с вешалки и надела халат, взяла защитную каску. С сожалением заметила, что форма выдержана не до конца...

— Часто вы бываете в цехе?

— Главная наша работа здесь — осмысливать результаты и давать рекомендации. Мы получаем пробы в лабораторию и здесь с ними работаем. И думаем... А основные технологические лаборатории — они в цехах находятся. Там времени не хватает думать. А мы? Если и мы не будем думать, то кто же тогда?

Валентина Сергеевна Дьяконова на комбинате давно. Вся ее семья с ним связана. Два взрослых сына. Старший — начальник цеха. Покойный муж всю жизнь, с перерывом лишь на войну, работал в металлургии. На Череповецком комбинате занимал разные должности. Два года был секретарем парткома.

— В Институт стали и сплавов, — скажет в другом эпизоде фильма старший сын Дьяконовой, — я пошел из-за мамы. Она металл понимает, как немногие.

— Валентина Сергеевна, а с какого времени существует ваша лаборатория?

— С пятьдесят восьмого года.

— А муж тогда кем работал?

— В пятьдесят восьмом? — задумалась Дьяконова. — В пятьдесят восьмом он был секретарем парткома. Это совпало с пуском листопрокатного цеха.

Это как раз тот цех, где начальником сейчас 35-летний Игорь Михайлович Хребтов, сын Дьяконовой, — он самый молодой начальник цеха на комбинате. Все оказалось взаимосвязанным. Пуск нового цеха (комбинату было тогда три года от роду), лаборатория металловедения. И семья — муж, сыновья. Можно ли отделить одно от другого?

— Вся жизнь вашей семьи отмечена вехами истории комбината. Так, Валентина Сергеевна?

— Выходит что так.

Она, похоже, и не задумывалась над этим. Говорит очень скупое, сдержанно. Немного оживает, когда разговор заходит о сыновьях.

Что получится на экране — ска-

зать пока трудно. Не очень-то податливым оказался персонаж. Хотя характер, судьба найдены точно. И в контексте фильма героине отведено подобающее место.

Одна из многих судеб, связанных с металлургическим комбинатом в Череповце. Единственная женщина, фильм получается «мужской», хотя по ходу рассказа выясняется, что работает на комбинате ни много ни мало 18 тысяч женщин. В таком вот чисто мужском производстве.

Эпизоды с Дьяконовой и другими героями фильма — сумма обозначенных на экране характеров — и создадут коллективный портрет Череповецкого металлурга. Каждая судьба индивидуальна, в каждой — обобщение, тип. Такова сверхзадача авторов.

Будет и сквозной герой — секретарь парткома комбината В. Т. Симурзин. Фильм не только о людях комбината и о партийной работе. В первую очередь это фильм о душевных потенциях, которые позволяют людям брать все новые и новые рубежи. «Сейчас главный фактор — человеческий». Это в Череповце часто приходилось слышать и от секретаря парткома, от кадрового рабочего. И от режиссера фильма.

Внимание к Череповецкому металлургическому в дни съемок было особое. В первом квартале 1986 года ожидается задувка новой домны — пятой, превосходящей мощностью четыре предыдущие. Все сосредоточено на подготовке пуска. Вопросы, с ней связанные, — в повестке дня одного из ближайших заседаний парткома, которое тоже снимают ленинградские документалисты.

У режиссера Павла Когана с Череповецким металлургическим комбинатом давние контакты:

— Ровно двадцать лет назад, летом 1965 года, я вместе с Юрием Заниным и Николаем Обуховичем (тогда операторами, сейчас оба — известные режиссеры документального кино)

снимал в Череповце картину с символическим названием «Спокойная сталь», вторую в моей жизни самостоятельную картину. Тогда наше воображение занимал металл — он тек, струился, искрился, сплющиваясь в огромных валках, летел со скоростью курьерского поезда. Ритм мчащихся раскаленных слитков заполнял экран во всю его ширину — фильм был широкоформатный. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что за металлом в немалой степени проглядел людей, хотя они присутствовали на экране — были видны их напряженные лица, их несуетливые руки. Но мощь человека, сумевшего покорить железо, фильм, как мне кажется, передавал.

Я использую несколько кадров из него, чтобы обозначить рост, масштаб предприятия, и уж, конечно, использую богатую фильмотеку студии — ведь один за другим операторы Вологодского коррпункта снимали для журнала «Наш край», как растет и работает Череповецкий металлургический.

Вернувшись сюда прошлой зимой после большого перерыва, я ходил по Череповцу, занесенному снегом невиданной белизны, и вспоминал. Кажется, еще вчера мы жили в этой гостинице, которая казалась тогда совсем новой и удивительно комфортабельной. И горевали, когда на первой же съемке неожиданный сноп искр из домны прожег новенький анаморфот и пришлось возвращаться в Ленинград, каяться и обещать, что больше такое не повторится. И радовались, просматривая ночами в опустевшем зале кинотеатра присланный из Ленинграда материал. Где эта улица? Где этот кинотеатр? Я ходил по Череповцу и не узнавал его.

Александр Ильич Гуторов — старший горновой, Герой Социалистического Труда, почетный гражданин города, член Советского комитета защиты мира.

Снимали московские, ленинград-

ские кинохроникеры, с коррпункта в Вологде тоже снимали. Так что накопилась уже порядочная фильмотека, которая поможет представить портрет Гуторова во времени. В разные моменты его жизни.

На комбинате он — с пятьдесят шестого. Почти с самого его начала. Также вся жизнь здесь прожита. История, рассказанная о нем с экрана в значительной степени посредством его собственного рассказа, — это и волнующая повесть о жизни, и замечательный человеческий документ.

Собирались снимать приезд домой старшего сына, Игоря Гуторова. Офицер, служит в Вологде. Приехал в Череповец на несколько дней — к отцу и младшему брату. Недавно в семью Гуторовых пришло большое горе: умерла Ирина Сергеевна, жена Александра Ильича, мать Игоря.

В фильме по сценарию предполагался рассказ А. И. Гуторова о себе, о жене, история жизни и любви. Рассказ был очень эмоциональным, а боль еще слишком обнаженной. И режиссер (он и сценарист) долго не решался включить в фильм этот эпизод. Колебался, боялся злоупотребить доверием, откровенностью героя. Да и вообще стоит ли? Нужно ли повторять устный рассказ, уже однажды записанный? Но герой фильма сам захотел еще раз пережить свои воспоминания.

— Поженились мы и уехали в Череповец. Я такой счастливый был, жил как во сне. И все мне хотелось что-нибудь для нее сделать. Я на работу летел и домой летел... Работа хорошо шла. Техникум окончил. Нет, сначала школу вечернюю, а потом уж техникум. Родился первый. И тут меня начали хвалить на работе. Хвалили, хвалили, а потом и наградили. Знаете, я, может, и героем стал из-за любви...

Была уже намечена съемка: встреча отца с сыном на вокзале. Но так случилось, что Игорь Гуторов приехал на

Секретарь парткома Череповецкого металлургического комбината В. Т. Симу́рзин

день раньше, чем его ждали. Расстроился, когда узнал, что невольно сорвал предполагавшуюся съемку. Предложил повторить: сыграть перед камерой встречу на вокзале заново. Режиссер категорически воспротивился. Нет, решительно никаких инсценировок не нужно. Пусть все остается, как есть.

Как нередко снимают в цехе? Является группа среди дня с камерами, с аппаратурой. Установили свет, что-то сняли и ушли. Группа Павла Когана работает иначе. Все явились в мартеновский цех в семь утра, к началу смены. И не снимали. Наблюдали. На завтра — снова в семь. И на следующий, и еще через день. И так три недели. Создавалась атмосфера доверия между героями ленты и ее авторами.

Валерия Тихоновича Симурзина снимали бегущим по улицам Череповца привычным маршрутом на нескольких отрезках пути. Вот он выбегает из подъезда дома (вечером, после

работы), вот бежит по огромному мосту через Шексну. Наконец за рекой, в конце маршрута, возле лесочка Валерий Тихонович, переводя дыхание, давал интервью перед камерой.

— Валерий Тихонович, что дает вам бег?

— О беге много написано...

— Нет, вам лично?

— Преодоление себя и положительные эмоции.

— Положительные эмоции?

— Ну, бывает, когда там, на работе (кивок в сторону комбината; он на той стороне реки — выразительный промышленный пейзаж), не все ладится, что-то не в порядке. А тут пробежал — какое-то душевное успокоение. Ну, а если и на работе все хорошо, тогда вдвойне положительные эмоции. Анализирую, подвожу итоги. Есть у меня и личный рекорд по продолжительности. Сегодня запишу себе десять километров без времени — вы помешали. Вот только не верю я тем, кто говорит:

«Я лечу, как на крыльях». И вовсе я не лечу. Бывает, и бежать-то не хочется. Преодолеваю лень, усталость. Всегда нужно чем-то жертвовать.

Это было вечером. А утром того же дня, сидя в своем просторном кабинете, Симурзин мне рассказывал:

— Рабочее название фильма «Партком завода». То есть нашего Череповецкого металлургического комбината. Следовательно, как я себе представляю, речь идет о коллективном герое. Я тоже участвую в съемках. Вначале делал это не очень охотно. Времени мало, а ответственность большая. Но и не отказывался: надо так надо. Пропаганда нашего опыта, как и любого другого, — это тоже важно и полезно. Киногруппа три месяца изо дня в день ведет наблюдение за череповчанами, ставшими героями фильма, я же, естественно, наблюдаю за ней, с режиссером Павлом Семеновичем Коганом хорошо познакомился. И понял, что наши взгляды, устремления, пристрастия по большей части совпадают. С его помощью сделал я для себя кое-какие открытия. Снимали у блюминга. Я на мостике стою, камера на меня направлена, Павлу Семеновичу рассказываю про себя, про обжимной цех. И вдруг мысль: а что я без цеха? Ничего. А вот он без меня прекрасно существует.

Когда начальник расставался с цехом, на прощание подарили ему альбом. О нем Валерий Тихонович говорит с нежностью. Тот заветный альбом будет фигурировать в фильме. Полистаем его. Рядом со стихотворными обращениями — не очень-то складными, но трогательными — фотографии, в том числе его, начальника цеха, на собрании. Все о нем знали подчиненные. В том числе и любимую цитату из Гельвеция: «Общество признает и уважает только те достоинства, которые доказаны на деле... Кто хочет точно знать, чего он стоит, может узнать это только от народа и, следовательно, должен отдать себя на

его суд». Эта цитата тоже есть в альбоме.

И вот что сказал оператор фильма Дмитрий Масс:

— Умение снять человека на документальном экране перешло у нас в разряд дефицита. Нередко человек на экране документального фильма выполняет лишь декоративную функцию — кажется, что он просто вписан в определенный натюрморт, занимая некое строго отведенное ему место в операторской композиции. А атмосфера? Внутреннее состояние совершенно не учитывается. Все посвящено лишь одному эффекту. Изображение, свет, интерьер. То есть пусть герой будет бледным, безжизненным, но зато эффектным изобразительно. Мы от этого сразу отказались. Изображение не должно быть навязчивым — лучше, чтобы его не замечали. Если в нашей картине такое произойдет, я буду считать, что это победа. У других режиссеров я, право, не встречал такого умения сжиться с героем, установить с ним душевный контакт. И герой испытывает к нему доверие, понимает, что интересен он сам, сам по себе — как личность. Однако момент истины у документального героя длится недолго. Нужно не пропустить его, зафиксировать. Коган его подготавливает тонко и точно, так, что бывает порой и незаметно. Подведет героя к такому состоянию, когда непременно нужно снять. И вот оно — движение души. И мне, и звукооператору приходится его ловить. У меня первая такая картина, где режиссер менее всего склонен к функциональным кадрам, к тем, что необходимы для монтажных перебивок. Тут лишних кадров вообще не было — их просто не снимали. Все должно быть обязательным — это я твердо усвоил, работая с П. С. Коганом.

Добавим, что фильм о людях Череповецкого металлургического комбината имени 50-летия СССР создается к XXVII партийному съезду.

Череповец